

РЕЛИГИОЗНЫЙ КОМПОНЕНТ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА: РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна	доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН (367030, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского, 75). E-mail: madina2405@mail.ru
Ремиханова Рамила Идрисовна	кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества, Дагестанский государственный технический университет (367030, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, пр. Имама Шамиля, 70). E-mail: reramila@yandex.ru
Шихалиева Дагмара Сергоевна	кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет (367026, Россия, Республика Дагестан, г. Махачкала, пр. Имама Шамиля, 70). E-mail: anabella.07@bk.ru

Аннотация

Религия является одним из важнейших факторов в жизненных установках населения, особенно конфессиональный компонент важен для носителей исламского вероучения. Эмпирические данные свидетельствуют, что опрошенное городское население в различных жизненных ситуациях опирается на собственные религиозные убеждения и заповеди вероисповедания. При этом установлено, что в идентификационных процессах маркер религия занимает одну из ключевых позиций, хотя сравнение результатов исследования по годам демонстрирует уменьшение веса индикатора религия, впрочем, как и иных признаков. Результаты исследования показывают, что массовому сознанию опрошенного городского населения Дагестана характерно обозначение важной функции религиозного компонента в личной жизни человека, причем на данный факт указывают опрошенные независимо от типа религиозности и отношения к религии (верующий/неверующий).

Ключевые слова: религия, ислам, город, городское население, горожане, городская среда, полирелигиозный, религиозная идентичность, религиозность, индикаторы идентичности, этноконфессиональная идентичность, дагестанские народы, ритуальное поведение.

Постановка проблемы и эмпирическая часть исследования

Проблема религиозной идентичности и религиозного поведения, интенсивность ритуального поведения, активность проявления конкретно взятого типа религиозности у населения и ряд других вопросов религиозной тематики актуализирован в постсоветский период на фоне кардинальных трансформаций российского общества, которые наряду с социально-экономической сферой закономерно затронули и мировоззренческую область, поэтому данный аспект представляется важным для изучения в рамках гуманитарного раздела.

Постсоветский период развития российского общества характеризуется активизацией исследований религиозной сферы, различных ее аспектов, к числу которых относятся процессы религиозного возрождения и их прогнозирование, место религии в современном российском обществе, анализ выполняемых ею социальных функций, ибо «в критические моменты развития общества популярность религиозных взглядов и ценностей возрастает... усиливается актуальность изучения процесса секуляризации населения социологическими методами» [1, с. 95].

К исследованию религиозной идентичности могут быть применимы, используемые для исследования идентичности социальной идентичности общие подходы [2, с. 158]. В рамках исследования религиозной идентичности заслуживают внимания труды А.С. Ваторопина, К.С. Дивисенко, Е.А. Кублицкой, С.Д. Лебедева, Р.А. Лопаткина, С.В. Рыжовой, Д.М. Угриновича, И.Н. Яблокова и других исследователей, которые рассматривают феномен религиозности [3–11]. В последнее время в научной литературе появились новые подходы и теории, целью которых является изучение религиозности, специфики ее проявления, структурных элементов, соответствия культовому поведению и т.д. Таковой является теория депривации, используемая для исследования нетрадиционной религиозности и она подробно рассмотрена В.Б. Исаевой [12].

Таким образом, краткий обзор научных разработок религиозности в целом, свидетельствует о важности изучения религиозной сферы, ибо она по своей природе является довольно противоречивым явлением, через нее, вернее, сквозь конфессиональные взаимоотношения проявляются

межрелигиозная, более того, и межнациональная толерантность, от состояния в данной области зависит стабильность и позитивный климат в полиэтническом и поликонфессиональном пространстве, каковым является российское общество.

Характеристика исследования. Социологический опрос по изучению религиозной идентичности и ритуального поведения горожан проведен 2020 г. в городах Дагестана (Дербент, Каспийск, Махачкала, Хасавюрт). N – 563. Кроме того, в статье дается сравнительный анализ эмпирического исследования 2014 г. по исследованию специфики религиозной самоидентификации дагестанских народов. Опрос проведен в Ботлихском, Дербентском, Казбековском, Кизилюртовском, Хасавюртовском районах, гг. Дербент, Кизляр, Кизилюрт, Махачкала, Хасавюрт. N – 904.

Результаты исследования

Религия является частью традиционного культурного наследия, поэтому ее функция наиболее ярко проявляется в русле формирования как конфессиональной, так и этнической идентичности. Более того, на примере мусульманских народов можно наблюдать их отождествление, что прослеживается через этноконфессиональную самоидентификацию индивида. Следовательно, вряд ли допустимо связывать повышение значимости исламской идентичности исключительно с потребностью в устойчивых культурно-цивилизированных характеристиках в жизни индивида и общества [13, с. 134], при этом игнорируя наблюдающуюся в современном российском обществе культовую активность населения.

Как известно, наряду с такими индикаторами определения национальной принадлежности (национальный язык, этнокультура, этнические традиции и обычаи, историческая территория, историческая память и т.д.), маркер «религия» является одним из важнейших этнообъединяющих параметров, более того, выполняет важнейшую функцию в консолидации этнической общности. Придание религиозному компоненту большей значимости в идентификационных процессах обуславливает появление такой формы ассоциации как этноконфессиональная, более того, исследования показывают, что население независимо от своего отношения к вероисповеданию (верующий / неверующий) подчеркивает важность религиозной принадлежности и религиозных постулатов. Иными словами, установление выраженности религиозной идентичности у городского населения Дагестана и места конфессиональной самоидентификации в структуре социальной идентичности закономерно требует определения маркеров ее воспроизводства.

Исследование значимости религиозной идентичности в структуре типов социальной идентичности закономерно требует определения «веса» маркера религия при воспроизводстве этнической идентичности городского населения республики (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Какие признаки сближают Вас с представителями Вашего народа?» (% , вторая цифра – опрос 2014 г.)

Варианты ответов // Отношение к религии	Убежденно верующий	Верующий	Коллеблющийся	Неверующий	Убежденно неверующий	Всего:
Национальный язык	55,6	49,1	44,2	31,6	11,1	49,3/65,4
Национальные традиции и обычаи	51,2	57,9	41,9	31,6	22,2	52,2/70,1
Совместная жизнь на определенной территории	28,8	26,6	25,6	0	27,8	26,4/42,2
Религия	52,7	41,7	14,0	5,3	11,1	41,4/54,1
Национальная литература, творчество, музыка	14,1	21,4	25,6	31,6	11,1	19,1/29,1
Национальная одежда, жилище, быт	10,2	12,2	4,7	15,8	16,7	11,2/10,5
Историческая территория моего народа	11,2	20,7	23,3	10,5	16,7	16,9/25,4
Общность характера, схожесть поведения	22,0	20,3	20,9	15,8	16,7	20,7/28,5
Историческое прошлое	25,4	26,6	18,6	26,3	16,7	25,2/31,8
Ничего не объединяет	2,0	1,1	4,7	26,3	44,4	4,0/2,2

При формулировке данного вопроса преследовалась цель: а) определить значение и вес параметра «религия» среди этнопризнаков, б) активность собственно этнических признаков в процессе воспроизводства религиозной идентичности городского населения Дагестана. Эмпирические данные показывают, что для опрошенного городского населения важнейшим этноопредделителем

выступает «национальные традиции и обычаи», отмеченный большей частью респондентов; на второй позиции располагается маркер национальный язык, который является одним из ключевых идентификаторов для одной второй части респондентов.

Далее на третьей позиции располагается маркер «религия», который имеет существенное значение для каждого второго опрошенного по всему массиву; анализ по типу религиозности показывает, что по сравнению с подмассивами колеблющихся, неверующих и убежденно неверующих, среди самоидентифицирующихся как убежденно верующие и верующие закономерно больше доля обозначающих значимость данного индикатора.

Также обращает на себя внимание тот факт, что одна девятая часть, ассоциирующаяся как убежденно неверующие, подчеркнула данный признак. Далее одна треть респондентов во всех подгруппах отмечает индикатор «совместная жизнь на определенной территории», каждый четвертый опрошенный, независимо от типа религиозности указывает на «историческое прошлое», одна пятая часть респондентов отмечает индикаторы «общность характера, схожесть поведения» и «национальная литература, творчество, музыка», причем доля отметивших последний признак заметно больше в подгруппе неверующих (одна треть) и колеблющихся (каждый четвертый). При этом одна пятая часть верующих и каждый седьмой в подгруппе убежденно верующих обозначили вариант ответа «национальная литература, творчество, музыка», хотя в исламской религии имеет место неприятие музыкального сопровождения любых мероприятий. Так, в последние годы можно наблюдать трансформацию отношения населения, например, к проведению тех или иных торжественных мероприятий, в частности, в современном дагестанском обществе распространение получило проведение свадеб без музыки, т.е. так называемые «мавлидные свадьбы», причем можно встретить позитивное отношение к ним со стороны молодого поколения.

В сравнении с иными параметрами, вес индикаторов «национальная одежда, жилище, быт» и «историческая территория моего народа» существенно меньше, который может быть обусловлен тем, что не только в сельской, но и в городской местности не только молодое, но и взрослое поколение предпочтение отдает исламской форме одежды (у женщин хиджабы, у мужчин – свободная форма одежды). В массовом сознании встречается критический подход, порой и осуждение ношения женщиной хиджаба с мотивацией, что на территории Дагестана, даже в дореволюционный период такая форма облачения женщины не имела распространения. Разумеется, это новшество, пришедшее с территории первоначального распространения ислама, и здесь наблюдается слепое копирование не только внутренней, но и внешней стороны последователя ислама.

В рамках изучения значимости конкретно взятого идентификатора в процессе воспроизводства этнической идентичности городского населения было проведено сравнение результатов социологического опроса 2014 г. [14] с данными 2020 г. Их сопоставление показывает существенное изменение значимости индикаторов воспроизводства этнической идентичности: эмпирические данные 2014 г. констатируют разительное отличие процентного соотношения практически всех маркеров: так, по-прежнему на первом месте располагается признак «национальные традиции и обычаи», втором – «национальный язык», третьем – «религия», т.е. ранговые места этих признаков не поменялись, но процентные показатели в опросе 2020 г. заметно уменьшились.

Анализ ответов на вопрос «Какие признаки объединяют Вас с представителями Вашего народа?» по социально-демографическим параметрам показывает, что на важность национальных традиций и обычаев указывает больше половины респондентов в возрастных подгруппах «до 20 лет», «от 40 до 50 лет», «от 50 до 60 лет» и «от 60 лет и выше», в то время как в остальных возрастных интервалах разделяет данное суждение каждый второй опрошенный. При этом 56,4 % опрошенных в разрезе «до 20 лет», 48,2 % «от 20 до 30 лет», 45,0 % «от 30 до 40 лет», 41,0 % «от 40 до 50 лет», 55,2 % «от 50 до 60 лет» и 60,0 % «от 60 лет и выше» обозначили значимость национального языка в процесс собственной самоидентификации. Но при этом можно наблюдать противоречивое поведение респондентов: так, если в вопросе «В какой степени для Вас важна Ваша религиозная принадлежность?» опрошенные подчеркивали значимость своей конфессиональной принадлежности (71,0 %), а результаты на вопрос «С кем Вы испытываете чувство общности в наибольшей степени?» предпочтение отдавали республиканскому типу идентичности (40,5 %), то религия практически для всех возрастных подгрупп выступает значимым индикатором воспроизводства этнической идентичности: 51,3 % в разрезе «до 20 лет», 43,8 % «от 20 до 30 лет», 35,7 % «от 30 до 40 лет», 34,9 % «от 40 до 50 лет», «от 60 лет и выше» (53,3 %) и можно отметить заметное отличие в возрастном интервале «от 50 до 60 лет» (29,9 %).

Кроме того, исследование выявило отсутствие последовательности в позициях респондентов старшего поколения, в частности, «от 40 до 50 лет» (69,9 %), «от 50 до 60 лет» (56,7 %) и «от 60 лет и выше» (76,7 %), в установках которых доминирует значимость религиозной принадлежности.

Иными словами, опрошенным, отмечая роль конфессиональной принадлежности, одновременно характерно уменьшать значение маркера религия, хотя и рассматривают ее как составную часть своей национальной культуры. Далее признак «национальная литература, творчество, музыка» важен для респондентов старшего поколения: 22,9 % «от 40 до 50 лет», 26,9 % «от 50 до 60 лет» и 26,7 % «от 60 лет и выше» и менее востребован в массовом сознании молодежи.

Индикатор историческое прошлое обозначена 27,4 % опрошенных в разрезе «до 20 лет», 27,7 % «от 20 до 30 лет», 24,0 % «от 30 до 40 лет», 22,9 % «от 40 до 50 лет», 43,3 % «от 60 лет и выше» и таковых в подмассиве «от 50 до 60 лет» всего 14,9 %. Данные опроса по образовательному признаку констатируют отсутствие заметных отличий в обозначении роли этнических традиций и обрядов: с 52,8 % респондентов с базовым средним до 53,9 % высшим образованием. В подгруппах с низким образовательным статусом процентные показатели обозначающих статус национального языка, в сравнении с имеющими высокий образовательный уровень закономерно меньше и варьируется в пределах от 44,4 % с базовым средним до 51,3 % опрошенных с высшим образованием. Признак «религия» как индикатор воспроизводства этнической идентичности обозначен каждым вторым опрошенным в подмассиве имеющих среднее и среднее специальное образование, одной третью респондентов базовым средним и высшим образованием. С ростом образовательного уровня увеличивается доля, обозначающих роль национальной литературы, творчества и музыки в идентификационном процессе с 19,7 % опрошенных со средним до 21,0 % респондентов с высшим образованием. Переменная «национальная одежда, жилище, быт» отмечена одной десятой долей во всех подгруппах, за исключением подмассива с базовым средним образованием.

Таким образом, для опрошенного городского населения Дагестана важнейшими параметрами этнической идентичности являются собственно этноопределители (национальный язык, этнокультура, историческая память, территория проживания и т.д.). Эмпирические данные констатируют значение маркера «религия» в идентификационном процессе. Вместе с тем, сопоставление данных опросов 2014 и 2020 гг. свидетельствует о переменах в установках горожан. Более того, результаты исследования показывают, что тип религиозности не играет существенной роли при формировании системы приоритетности того или иного признака, несмотря на отсутствие в исламе дефиниции «этнос», при значимости понятия «умма» основанное именно на религиозной принадлежности человека. Более того, предположение о значимости индикатора религия, в сравнении с иными элементами воспроизводства этнической идентичности, эмпирическими данными не подтверждается: по результатам опроса установлено, что на обозначение приоритетности религиозного компонента в идентификационном процессе существенное влияние оказывают социально-демографические признаки (возраст, образовательный уровень, отношение к религии и т.д.).

Определение индикаторов воспроизводства этнической идентичности предполагает установление роли и места религии в повседневной жизни городского жителя Дагестана, поэтому респондентам был задан вопрос «Какую роль играет религия в Вашей личной жизни?». Вариант ответа «очень важная» отмечена 43,0 % респондентов по всему массиву, по типу религиозности, как и следовало ожидать, выделяются подгруппы самоидентифицирующиеся как убежденно верующие (73,2 %), хотя в подмассиве верующих доля таковых существенно меньше (31,0 %). Далее суждение «важную» отметили 19,0 % убежденно верующих, 50,9 % верующих, 34,9 % колеблющихся и что примечательно – 15,8 % неверующих и убежденно неверующих (16,7 %). При этом в жизни 44,2 % опрошенных из подмассива колеблющихся, религия выполняет не очень важную функцию и почти в 2 – 3 раза меньше доля таковых в подгруппе неверующих (26,3 %) и убежденно неверующих (16,7 %). Статистически небольшая доля респондентов в подмассиве убежденно верующих и верующих придерживается позиции «никакую» – 1,5 % и 3,0 %, соответственно, и количество таковых ожидаемо больше среди неверующих (36,8 %) и убежденно неверующих (61,1 %).

По мнению авторов, уровень образования респондента, впрочем, как и сама городская среда выполняют ключевую роль в процессе формирования мировоззренческих установок человека. Чем ниже уровень образования респондентов, тем больше среди них подчеркивающих важную функцию религии в своей жизни: больше половины опрошенных в подмассиве со средним специальным, одна вторая часть имеющих базовое среднее и среднее образование в противоположность респондентам с высоким уровнем образования (38,0 %). Кроме того, в подгруппе с высшим образованием, в сравнении с остальными, больше обозначающих «важную роль» религии в повседневной жизни человека (38,4 %). Далее, 11,1 % опрошенных с базовым средним, 14,2 % средним, 10,1 % средним специальным и 11,8 % высшим образованием считают, что религия выполняет «не очень важную роль» в их жизни, более того, 11,1 % респондентов с базовым средним образованием отметили суждение «никакую».

Анализ по возрастному признаку показывает, что с повышением возраста опрашиваемого существенно снижается доля разделяющих тезис об «очень важной роли религии в их повседневной жизни» – 52,1 % «до 20 лет», 53,3 % «от 20 до 30 лет», 40,3 % «от 30 до 40 лет», 30,1 % «от 40 до 50 лет», 28,4 % «от 50 до 60 лет», 36,7 % «от 60 лет и выше». Эмпирические данные показывают увеличение количества респондентов, которые подчеркивают незначительную функцию вероисповедания в своей жизни с 7,7 % в интервале «до 20 лет до 20,9 % в разрезе «от 50 до 60 лет». Далее, одна восьмая часть из последней подгруппы и каждый десятый в разрезе «от 50 до 60 лет» отметил вариант ответа «никакую». Таким образом, проведенный анализ по социально-демографическому признаку и типу религиозности показывает, что в повседневной жизни городского жителя религия играет важную роль, несмотря на то, что в иных вопросах респонденты несколько снижали роль конфессионального компонента в идентификационных процессах.

Установление места и роли религии в повседневной жизни горожанина закономерно требует более глубокого изучения его вербального и невербального поведения, ибо, по мнению автора, актуализируется выявление соответствия между декларируемым поведением (как должно быть) и реальным (как есть в реальности) [15] (см. табл. 2).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Соотносите ли Вы свои действия в различных жизненных ситуациях с Вашими религиозными убеждениями или заповедями Вашей религии?» (%)

Варианты ответов	При принятии любого решения я принимаю во внимание предписания моей религии и мои собственные религиозные взгляды и убеждения	Для меня никакого значения не имеют предписания моей религии и мои собственные религиозные взгляды и убеждения
<i>Отношение к религии</i>		
Убежденно верующий	93,7	3,4
Верующий	76,4	11,4
Колеблющийся	46,5	34,9
Неверующий	15,8	68,4
Убежденно неверующий	5,6	77,8
<i>Возраст</i>		
До 20 лет	79,5	14,5
От 20 до 30 лет	80,3	10,2
От 30 до 40 лет	73,6	17,1
От 40 до 50 лет	77,1	13,3
От 50 до 60 лет	64,2	17,9
От 60 лет и выше	70,0	20,0
<i>Образование</i>		
Базовое среднее	69,4	19,4
Среднее	74,0	18,9
Среднее специальное	79,8	9,2
Высшее	76,0	14,4
Всего:	76,1	14,4

Результаты исследования показывают, что для большей половины опрошенных в подгруппах убежденно верующих и верующих большое значение имеют предписания вероисповедания в повседневной жизни; аналогичной позиции придерживается и одна вторая часть респондентов из подмассива колеблющихся. При этом вполне закономерна установка в массовом сознании неверующих и убежденно неверующих, которые изначально не ориентированы на соблюдение религиозных норм в повседневной жизни.

Хотя, ради справедливости следует отметить, что одна шестая часть в подгруппе неверующих, впрочем, как и статистически небольшая доля самоидентифицирующихся как убежденно неверующие при принятии любого решения принимают во внимание предписания в целом вероисповедания, а также свои собственные религиозные взгляды и убеждения. Существование такой установки объясняется тем, что в ответах на вопрос «Кого Вы считаете истинно верующим человеком?» больше половины опрошенных в обеих подгруппах выбрали 2 позиции: а) «нравственного человека, независимо от своего отношения к вере» (24,5 %) и б) «истинно верующим человеком может быть только нравственный человек» (40,4 %), т.е. для данной когорты более важны нравственные

установки, правила и предписания, чем само вероучение, хотя очень сложно, если не сказать практически невозможно, отделить понимание нравственности в светском значении от ее толкования в религиозном аспекте. Как известно, любая религия разработала моральные установки и поведение индивида в различных социальных сферах, хотя и с определенными нюансами.

Анализ по возрастному признаку показывает, что, по сравнению с другими подмассивами, позиция «при принятии любого решения я принимаю во внимание предписания моей религии и мои собственные религиозные взгляды и убеждения» отмечена большей частью в возрастных подгруппах до 30 лет и меньше всего таковых в подмассиве «от 50 до 60 лет»; также с повышением образовательного уровня увеличивается доля придерживающихся данного суждения. Но при этом, доля подчеркивающих незначимость религиозного мировоззрения и вытекающих из него правил и предписаний больше в подгруппе с базовым средним образованием и возрастной когорте «от 60 лет и выше» (каждый пятый).

Если позицию старшего поколения можно объяснить их возрастом, вернее тем, что они выросли при политической системе с превалированием атеистической идеологии, то несколько странным выглядят установки подгруппы с низким образовательным уровнем, ибо это поколение, растущее при доминировании религиозного фактора, в данном контексте исламского вероучения, в современном дагестанском обществе.

Полученные эмпирические данные в определенной степени подтверждают одно из положений концепции деприватизации религии Х. Казановы – «отделение церкви от государства и политического общества не является универсальным принципом, пригодным для всех», ибо «деприватизация религии и вхождение религии в публичную сферу оправданы в том случае, если право на частную жизнь и свободу совести не подвергается сомнению, без чего нет ни демократического государства, ни гражданского общества» [16, с. 142].

Таким образом, опрошенные независимо от отношения к религии, возраста, образовательного статуса обозначили, во-первых, очень важную роль религии в повседневной жизни, более того, они в своем поведении ориентированы при принятии любого решения базироваться на предписаниях исповедуемого вероучения, а также на личных религиозных взглядах и убеждениях, поэтому «религиозность современного человека выступает не столько синонимом принадлежности его к одной из культур-контрагентов (конфессиональной) в противовес другой (светской), сколько знаком его принадлежности к обеим данным культурам» [17, с. 162].

Иными словами, результаты исследования позволяют обозначить религиозную культуру как одного из индикаторов измерения религиозности человека, ибо она влияет на формирование его религиозного сознания, определяет активность/пассивность культового поведения, кроме того, тип религиозности «вынуждает» человека опираться на религиозные правила и положения в повседневной жизни. Кроме того, можно привести понятие «культурная религиозность», когда человек обозначает себя последователем определенного вероучения, но при этом не следует его культовым предписаниям, хотя и ориентируется на мировоззрение своего вероисповедания.

Заключение

Таким образом, по результатам проведенного исследования установлено, что для респондентов важнейшими маркерами воспроизводства этнической идентичности являются следующие параметры: национальный язык, национальные традиции и обычаи, совместная жизнь на определенной территории, этнокультура, национальная одежда, жилище, быт, историческая территория своего народа, общность характера, схожесть поведения, историческое прошлое). Религия как маркер занимает в данной иерархии третье ранговое место, пропустив вперед «национальные традиции и обычаи» и «национальный язык». Сравнительный анализ эмпирических данных 2014 и 2020 гг. констатирует наличие определенных изменений в массовом сознании городских жителей. Авторская гипотеза о ведущей роли маркера «религия» в процессе воспроизводства этнической идентичности результатами исследования не подтвердилась, более того, можно утверждать, что отношение респондентов к религии (верующий – неверующий) не оказывает практически никакого влияния на формирование иерархии индикаторов.

Результаты исследования показывают, что для подавляющей части опрошенного городского населения Дагестана религия в повседневной жизни выполняет ключевую роль, причем на данный факт не влияют ни уровень образования, ни возраст, ни отношение к религии. Более того, больше половины опрошенных в различных жизненных ситуациях учитывают свои мировоззренческие установки и соотносят их с ключевыми постулатами исповедуемого вероучения. Такая позиция, видимо, обусловлена тем, что для опрошенного городского населения при осуществляемой в настоящее время в современном дагестанском обществе Муфтиятом деятельности, даже при существовании в массовом сознании негативного отношения, религиозность и принадлежность

определенной конфессии становятся ключевыми факторами самоидентификации. Более того, обозначение своего отношения к религии (верующий/неверующий) не всегда вытесняет человека из исламской общины, несмотря на то, что он сам автоматически выдавливает религиозный компонент из собственного социально-когнитивного пространства, при одновременном осознании религии как чисто внешней характеристики. Ассоциирование респондентов с определенным типом религиозности (убежденно верующий, верующий, колеблющийся, неверующий и убежденно неверующий) способствует религиозной инкультурации и интенсивности процесса вовлечения человека в религиозное пространство.

Литература

1. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95 – 103.
2. Александрова Е.А., Хухлаев О.Е. Особенности религиозной идентичности у буддистской молодежи (на примере студенческой молодежи Республики Калмыкия) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2017. Т. 19. С. 156 – 164.
3. Ваторопин А.С. Религиозный модернизм и постмодернизм // Социологические исследования. 2001. № 11. С. 84 – 92.
4. Дивисенко К.С. Религиозные знания, убеждения, практики в структуре жизненного мира // Социологический журнал. 2011. № 4. С. 84 – 100.
5. Кублицкая Е.А. Особенности религиозности в современной России // Социологические исследования. 2009. № 4. С. 96 – 107.
6. Кублицкая Е.А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95 – 103.
7. Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153 – 168.
8. Рыжова С.В. Религиозность в контексте культуры доверия // Социологический журнал. 2017. Том 23. № 3. С. 44 – 63.
9. Угринович Д.М. Введение в религиоведение. М.: Мысль, 1985. 272 с.
10. Яблоков И.Н. Социология религии. М.: Мысль, 1979. 182 с.
11. Государственно-церковные отношения в России (опыт прошлого и современное состояние) / Отв ред. Ф.Г. Овсиенко, М.И. Одинцов, Н.А. Трофимчук. М.: Изд-во РАГС, 1996. 252 с.
12. Исаева В.Б. Теория депривации как инструмент изучения нетрадиционной религиозности // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 39 – 50.
13. Российская повседневность в условиях кризиса / Под ред. М.К. Горшкова, Р. Крумма, Н.Е. Тихоновой. М.: Альфа-М, 2009. 272 с.
14. Шахбанова М.М. Религиозность и культовое поведение дагестанских верующих // Исламоведение. 2015. Т. 6 № 3 (25). С. 85 – 96.
15. Шахбанова М.М. Этническая, религиозная и государственно-гражданская идентичности дагестанских народов в условиях трансформации российского общества. Махачкала: АЛЕФ, 2016. 358 с.
16. Руткевич Е.Д. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии // Вестник Института социологии. 2017. Т. 8. № 1. С. 132 – 161.
17. Лебедев С.Д. Религиозность: в поисках «рубикона» // Социологический журнал. 2005. № 3. С. 153 – 168.

Shakhbanova Madina Magomedkamilovna, Doctor of Sociology, Leading Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (75, Yaragskogo St., Makhachkala, Dagestan, 367030, Russian Federation). E-mail: madina2405@mail.ru

Remikhanova Ramila Idrisovna, Candidate of Historical Sciences, Senior Lecturer of the Department of History of the Fatherland, Dagestan State Technical University (70, Imam Shamilya Av., Makhachkala, Dagestan, 367030, Russian Federation). E-mail: reramila@yandex.ru

Shihaliyeva Dagmara Sergoevna, Candidate of Philosophy Sciences, Docent of Department of Philosophy, Dagestan State Technical University (70, Imam Shamilya Avenue, Makhachkala, Dagestan, 367030, Russian Federation). E-mail: anabella.07@bk.ru

**RELIGIOUS COMPONENT IN THE MASS CONSCIOUSNESS
OF THE URBAN POPULATION OF DAGESTAN: THE ROLE AND IMPORTANCE**

Abstract

Religion is one of the most important factors in the life attitudes of the population. Empirical data show that the surveyed urban population of the Republic in various life situations relies on their own religious beliefs and the commandments of the professed faith. In addition, in identification processes, the religion marker occupies one of the key positions, although a comparison of the results of the study by year shows a decrease in the weight of the religion indicator, however, as well as other signs. In the mass consciousness of the urban population of Dagestan, there is a designation of the important role of the religious component in a person's personal life, and this fact is indicated by respondents regardless of the type of religiosity and attitude to religion.

Keywords: *religion, Islam, city, urban population, citizens, urban environment, polyreligious, religious identity, religiosity, identity indicators, ethno-confessional identity, Dagestan peoples, ritual behavior.*

References

1. Kublitskaya E.A. Traditsionnaya i netraditsionnaya religioznost': opyt sotsiologicheskogo izucheniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1990. № 5. P. 95 – 103.
2. Aleksandrova E.A., Khukhlaev O.E. Osobennosti religioznoy identichnosti u buddistskoy molodezhi (na primere studencheskoy molodezhi Respubliki Kalmykiya) // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedenie». 2017. T. 19. P. 156 – 164.
3. Vatoropin A.S. Religioznyy modernizm i postmodernizm // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2001. № 11. P. 84 – 92.
4. Divisenko K.S. Religioznye znaniya, ubezhdeniya, praktiki v strukture zhiznennogo mira // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2011. № 4. P. 84 – 100.
5. Kublitskaya E.A. Osobennosti religioznosti v sovremennoy Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2009. № 4. P. 96 – 107.
6. Kublitskaya E.A. Traditsionnaya i netraditsionnaya religioznost': opyt sotsiologicheskogo izucheniya // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1990. № 5. P. 95 – 103.
7. Lebedev S.D. Religioznost': v poiskakh «rubikona» // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2005. № 3. P. 153 – 168.
8. Ryzhova S.V. Religioznost' v kontekste kul'tury doveriya // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2017. Tom 23. № 3. P. 44 – 63.
9. Ugrinovich D.M. Vvedenie v religiovedenie. M.: Mysl', 1985. 272 p.
10. Yablokov I.N. Sotsiologiya religii. M.: Mysl', 1979. 182 p.
11. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v Rossii (opyt proshlogo i sovremennoe sostoyanie) / Otv red. F.G. Ovsienko, M.I. Odintsov, N.A. Trofimchuk. M.: Izd-vo RAGS, 1996. 252 p.
12. Isaeva V.B. Teoriya deprivatsii kak instrument izucheniya netraditsionnoy religioznosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2019. № 9. P. 39 – 50.
13. Rossiyskaya povsednevnost' v usloviyakh krizisa / Pod red. M.K. Gorshkova, R. Krumma, N.E. Tikhonovoy. M.: Al'fa-M, 2009. 272 p.
14. Shakhbanova M.M. Religioznost' i kul'tovoe povedenie dagestanskikh veruyushchikh // Islamovedenie. 2015. T. 6 № 3 (25). P. 85 – 96.
15. Shakhbanova M.M. Etnicheskaya, religioznaya i gosudarstvenno-grazhdanskaya identichnosti dagestanskikh narodov v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva. Makhachkala: ALEF, 2016. 358 p.
16. Rutkevich E.D. Religiya v global'nom prostranstve: podkhody, opredeleniya, problemy v zapadnoy sotsiologii // Vestnik Instituta sotsiologii. 2017. T. 8. № 1. P. 132 – 161.
17. Lebedev S.D. Religioznost': v poiskakh «rubikona» // Sotsiologicheskiy zhurnal. 2005. № 3. P. 153 – 168.